
Литературоведение и языкознание

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гоголь Н. В.

Воропаев Владимир Алексеевич,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва,
ГСП-1, Российская Федерация
E-mail: voropaevvl@bk.ru*

НА ПУТИ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ
Из истории паломничества Н. В. Гоголя на Святую землю

Работа выполнена при поддержке РГНФ
Проект № 14-04-00407а

Аннотация: Своё последнее и самое длительное заграничное странствие Н. В. Гоголь связывал с паломничеством ко Гробу Господню, на которое он смотрел как на важнейшее из событий своей жизни. Там, в Святой земле, он надеялся найти духовную опору для своих писаний. Рассмотрены маршрут путешествия (Неаполь – Мальта – Корфу – Смирна – Родос – Бейрут – Иерусалим) и один из загадочных эпизодов биографии писателя, связанный с островом Корфу и пребывающими там нетленными мощами святителя Спиридона Тримифунтского. Ночь, проведённая у Святого Гроба, навсегда осталась в памяти Гоголя. Между тем из его писем можно вывести заключение (как нередко и делают биографы), что паломничество не дало тех плодов, на которые он рассчитывал. Подлинный результат поездки Гоголя в Святую землю — приобретение настоящего духовного смирения и братской любви к людям. Из паломничества ко Гробу Господню Гоголь привёз на родину свидетельство о подлинности реликвий, которыми благословил его наместник Иерусалимского патриаршего престола, митрополит Мелетий (документ приводится с сохранением орфографии оригинала). Как память о путешествии Гоголя к святым местам в Васильевке хранились также кипарисовый посох, подаренный им сестре Ольге Васильевне, с которым она не расставалась всю жизнь; сердоликовые крестики, перламутровые иконки-ящички с изображением Благовещения, цветы из Палестины, освященное иерусалимское мыло, которым омывают Гроб Спасителя в ночь перед Пасхой, и другие реликвии.

Ключевые слова: Гоголь, Святая земля, остров Корфу, святитель Спиридон Тримифунтский, нетленные мощи, Русская духовная миссия в Иерусалиме.

Своё последнее и самое длительное заграничное странствие Н. В. Гоголь связывал с паломничеством ко Гробу Господню. В начале 1842 г. он получил благословение на путешествие в Иерусалим от преосвященного Иннокентия, в ту пору епископа Харьковского. С. Т. Аксаков так рассказывает об этом: «...вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: “Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого, наконец, <епископ> Ин<н>окентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: ко Гробу Господню”» [3, т. 2, с. 709]. Гоголь провожал владыку Иннокентия, и тот на прощание благословил его образом. В этом благословении он увидел повеление свыше.

9 мая 1842 г., в день своих именин, за полторы недели до отъезда за границу, Гоголь писал старому приятелю ещё с нежинской поры Александру Данилевскому: «Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим» [2, т. 12, с. 43].

Паломничество ко Гробу Господню состоялось только в 1848 г., хотя стремление в Святую землю Гоголь хранил все эти годы. О своём намерении отправиться ко Святым Местам он публично объявил в предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями», прося при этом прощения у своих соотечественников, испрашивая молитв у всех в России — «начиная от святителей» и кончая теми, «которые не веруют вовсе в молитву», и, в свою очередь, обещая молиться о всех у Гроба Господня [2, т. 6, с. 9].

На своё паломничество Гоголь смотрел как на важнейшее из событий своей жизни. Там, в Святой земле, он надеялся найти духовную опору для своих писаний. «Путешествие мое не есть простое поклонение, — писал он Надежде Николаевне Шереметевой 8 ноября (н. ст.) 1846 г. из Флоренции. — Много, много мне нужно будет там обдумать у Гроба Самого Господа, от Него испросить благословение на все, в самой то<й> земле, где ходили Его небесные стопы» [2, т. 13, с. 418]. Гоголь просит всех молиться о приготовлении к этому путешествию и о благополучном завершении его. Он даже составляет и рассылает молитву о себе: «Боже, содейлай безопасным путь его...».

В ноябре 1847 г. Гоголь приехал в Неаполь, чтобы отсюда отправиться в Иерусалим. Протоиерей Тарасий Серединский, настоятель церкви Рождества Христова при Русской миссии в Неаполе, вспоминает, что зимой 1847/48 г. он исповедовал и приобщал Гоголя Святых Таин, а перед отъездом в Иерусалим служил по его просьбе благодарственный молебен. 18 января (н. ст.) 1848 г. Гоголь извещал живописца А. А. Иванова, что на днях выезжает из Неаполя и что «в городе беспокойно» (2, т. 15, с. 28). Вскоре после этого он покидает Италию и отправляется на пароходе «Капри» по Средиземному морю на остров Мальта.

На Мальте Гоголь пробыл пять дней в ожидании парохода на Смирну. Один из традиционных морских маршрутов на Святую землю проходил через остров Корфу (греческое название — Керкира) и Смирну. С островом Корфу и пребывающими там нетленными мощами святителя Спиридона Тримифунтского связан один из загадочных эпизодов биографии Гоголя. В монастыре Оптиная Пустынь, который трижды

посетил писатель, сохранилось предание, пересказанное преподобным Амвросием: «С IV века и донныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано; потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю перед святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай» [3, т. 3, с. 616–617].

Это недатированное письмо преподобного Амвросия Оптинского, известное под названием «О почитании святых мощей», имеет широкое хождение в паломнической литературе и не раз привлекало внимание биографов Гоголя. Недавно было опубликовано письмо другого Оптинского старца — преподобного Макария — к духовной дочери Анне Ивановне Воейковой (от 26 января 1849 г.), в котором также идёт речь о пребывании Гоголя на Корфу и о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского:

«Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам сообщенное мне в письме от Нат<альи> Петр<овны> (Киреевской. — В. В.), а им пересказывал Гоголь, бывший в прошлом году в Корфу; там есть мощи св. Спиридона Тримифунтского. На открытии английский путешественник, бывши там, желал видеть мощи св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины, — чрез отверстие вынимают внутренность и наполняют тело ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть, иные и начинали сомневаться, тогда *св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке, и перево<ро>тились к нему спиной!* Это так поразило англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал» [3, т. 3, с. 615].

Из письма преподобного Макария Оптинского следует, что Гоголь был не свидетелем чуда, а лишь слышал о нём от других горожан и потом рассказал об этом Наталии Петровне Киреевской. К сожалению, письмо, на которое ссылается старец Макарий, не обнаружено. В результате сопоставления имеющихся на сегодняшний день сведений современный исследователь приходит к заключению, что «только в конце января 1848 года Гоголь имел возможность посетить святой остров, почему не мог быть свидетелем чуда у мощей святителя Спиридона Тримифунтского, хотя только благодаря русскому писателю в мире стало известно об этом чудесном событии, прославляющем православную веру» [4, с. 139].

На Руси имя Спиридон стало известно благодаря святому Спиридону Тримифунтскому, день памяти которого совершается 12 декабря (по старому стилю). Это имя было особенно распространено в Малороссии, и Гоголь с юных лет знал и почитал святого Спиридона. В его «Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии», начатой ещё в Нежинской гимназии, в разделе «Имена, даемые при крещении» означено: «Свѣрид, Свирѣдко, Спиридон» [2, т. 9, с. 529]. Один из героев повести «Вий» носит имя Спѣрид (отсюда произошли такие распространённые в России фамилии, как Свиридов, Спиридонов). Известна также эпиграмма (акrostих) Гоголя на школьного приятеля Ф. К. Бороздина, прозванного им за низкую стрижку волос «Расстригою Спиридоном» (датируется 12 декабря 1825 г.).

В рукописном сборнике Гоголя «Церковные песни и каноны», составленном зимой 1843/44 г. в Ницце и представляющем собой выписки из служебных Миней¹, содержится выписка за декабрь месяц: «Преподобнаго <отца нашего> Спиридона Чудотворца, Епископа Тримифийскаго. 12/24».

Возшел еси на гору безстрастия, вшел еси во мрак Боговидения, в скрижали же сердца твоего приял еси закон спасительный, яко священнейший и угодник присный Владыки Твоего.

Умертвив твоя плотская движения, Богодохновенне, мертвья возставил еси животворным твоим приглаголанием. Тем же молю тя: умерщвленную душу мою, отче, оживи.

Повинующися, мертвая тебе глас, отче, даде и речная стремления твоими удержашася повелении: явился бо еси, блаженне, чудоделатель, Божественную благодать прием.

Пророцы твоего Таинства глубину провозвестиши недомысленную: едина бо родила еси, Чистая, Недоразумеваемаго, воплощенна за милосердие неисповедимое.

Пещь страстей Божественными оdoжденьми Божественнаго Духа погасил еси и росу источил еси недугов, отче, зной отъемлющую верно к тебе приходящих всегда, блаженне Спиридоне пребогате! [2, т. 9, с. 192].

Гоголь, находясь в ту пору за границей, пометил выписку двойной датой (по старому и новому стилю): «12/24». Разница между русским и европейским (новым) стилем в XIX в. составляла 12 дней в сторону отставания русского (старого) стилиа от принятого в большинстве европейских стран; в нашем столетии эта разница составляет 13 дней.

По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Евангелия, Апостола и Ветхого Завета, а также житие святого, память которого празднуется Церковью в этот день. Кроме молитв утренних и вечерних, которые ежедневно читают все православные христиане, он прочитывал ещё и малое повечерие. По всей видимости, в молитвенное правило Гоголя входило также чтение тропарей, стихир и кондаков (кратких церковных песнопений, в которых раскрывается содержание праздника или прославляется житие святого).

¹ Служебная Минея (месячная) — церковно-богослужебная книга, содержащая службы святым и праздникам на все дни года.

Дальнейший путь на Святую землю Гоголь продолжил вместе с членами Русской духовной миссии в Иерусалиме, которая прибыла в Смирну из Константинополя 25 января 1848 г. Миссия была основана в 1847 г. по повелению императора Николая I в связи с возрастающим потоком паломников из России. Начальником её был назначен архимандрит Порфирий (Успенский), впоследствии епископ Чигиринский, крупнейший знаток культуры христианского Востока². В составе миссии находились также святитель Феофан (Говоров), в то время иеромонах, будущий епископ Тамбовский, Владимирский и Суздальский, знаменитый затворник Вышинский, и только что окончившие Санкт-Петербургскую духовную семинарию два студента. Один из них, послушник Пётр Соловьёв, впоследствии протоиерей, настоятель Покровской церкви в Петербурге, оставил воспоминания о встрече с Гоголем в январе 1848 г. на австрийском пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии — в Бейрут, откуда миссия должна была отправиться в Иерусалим.

«На “Истамбуле”, — рассказывает он, — было много народу, и большею частью поклонников, ехавших в Иерусалим на поклонение Св<ятым> местам. Каких представителей наций тут не было! <...> Весь этот люд в общем были как бы земляки; одни только мы, русские, были особняками среди этой разношерстной толпы и не принимали никакого участия в общей суматохе подвижных *восточных* *человеков*. Но оказалось, что кроме нас тут же были еще русские люди <...> Один из них был высокий, плотный мужчина лет 55-ти в темно-синей с коротким капюшоном шинели на плечах и с красною фескою на голове, другой же маленький человек с длинным носом, черными жиденькими усами, с длинными волосами, причёсанными а la художник, сутуловатый и постоянно смотревший вниз. Белая поярковая с широкими полями шляпа на голове и итальянский плащ на плечах, известный в то время у нас под названием “манто”, составляли костюм путника. Все говорило, что это какой-нибудь путешествующий художник. Действительно, это был художник, наш родной гениальный сатирик Николай Васильевич Гоголь, а спутник его — генерал Крутов» [3, т. 3, с. 618].

27 января миссия прибыла на остров Родос. «При остановке у Родоса, — продолжает свой рассказ отец Пётр, — мы съехали с парохода на остров осмотреть город с его историческими постройками рыцарей-крестоносцев и посетить местного православного митрополита, жившего за городом. Владыка принял нас радушно <...> а при прощании снабдил целою корзиною превосходных апельсинов из своего сада. На пароходе отец П<орфирий> поручил мне попотчевать родосскими гостинцами и земляков-спутников, что я не замедлил исполнить, отобрав десятка два лучших плодов. Гоголь и ген<ерал> Крутов не отказались от лакомства и поблагодарили меня за любезность» [3, т. 3, с. 619].

² Отметим факт его посещения Корфу. 23 мая 1854 г. он записал в своём дневнике: «От Закинфа недалеко до славного острова Корфу. В главный город его, укрепленный фортами, я ездил с парохода, дабы видеть там нетленные мощи св. Спиридона Тримифунтского, чудотворца, и приложиться к ним благоговейно. Они нетленно почивают в правом отделении алтаря церкви, называемой его именем» [6, с. 250].

Архимандрит Порфирий отрекомендовал Гоголю молодого послушника как художника. Спустя полчаса Гоголь вышел на палубу и подошёл к отцу Петру. «Не входя ни в какие объяснения, — вспоминает тот, — он показывает мне маленькую, вершка в два, живописную (масляными красками) на дереве икону святителя Николая Чудотворца и спрашивает мнения, — искусно ли она написана? Затем он, пока я всматривался в живопись, поведал мне, что эта икона есть верная копия в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бары), написана для него по заказу искуснейшим художником и теперь сопутствует ему в путешествиях, потому что святитель Мирликийский Николай — его патрон и общий покровитель всех христиан, по суше и по морям путешествующих. Я полюбовался иконою как мастерски написанною и оговорил, что не могу ничего сказать о верности копии, не видав прототипа, и еще заметил, что у нас на православных старинных иконах святитель изображается несколько иначе, особенно по облачению, и что последнее прямо говорит о латинском происхождении барградского изображения святителя. На мой отзыв Н<иколай> В<асильевич> ничего не возразил, но по всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею как святынею» [3, т. 3, с. 619].

30 января 1848 г. пароход с Русской духовной миссией бросил якорь у пристани Бейрута. В городе Гоголь остановился у своего школьного товарища Константина Базили, русского генерального консула в Сирии и Палестине. Отсюда Гоголь и его спутник, отставной генерал Михаил Иванович Крутов, в сопровождении Базили «через Сидон и древний Тир и Акру» отправились в Иерусалим. Впоследствии в письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. Гоголь живыми и поэтическими красками описал свои впечатления от этого путешествия:

«Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровожденье и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя – тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть палм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима» [2, т. 15, с. 304–305].

16 февраля путешественники прибыли в Иерусалим. В записной книжке Гоголя появляется запись: «Николай Гоголь — в Св. Граде» [2, т. 9, с. 697]. И здесь же помета: «В Иерусалиме: *Молебен* о благополучном прибытии. Перечесть все, о чем хотел просить. *Купить крестики* из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем».

Сразу же по прибытии Гоголь извещает Жуковского: «И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупленья

нашего» [2, т. 15, с. 36]. Сообщает, что вскоре возвратится в Россию; хвалит сочинение Базили «Сирия и Палестина», которое он прочитал в рукописи: «Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края» [2, т. 15, с. 37].

Пребывание Гоголя на Святой земле — малоизученный эпизод его духовной биографии. По свидетельству современников, сам он не любил вспоминать о нём. Когда один из друзей и земляков Гоголя М. А. Максимович говорил с ним о том, что было бы хорошо, если бы он описал своё путешествие в Палестину, Гоголь отвечал: «Может быть, я описал бы все на четырех листах, но я желал бы написать это так, чтоб читающий *слышал*, что я был в Палестине» [7, с. 93].

И вот Гоголь проходит по местам земной жизни Спасителя, говееет и приобщается Святым Таин у Гроба Господня, а также молится за всю Россию — подобно своему далёкому предшественнику, игумену Даниилу, первому русскому паломнику, который в начале XII в. принёс к Святому Гробу лампаду «от всей земли Русской».

Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и тёплого чувства: «Я стоял в нем (алтаре. — *В. В.*) один; передо мною только священник, совершавший Литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами Гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших “Господи, помилуй” и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходивш^{<ее>} из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед Чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного...» (из письма к В. А. Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 г.) [2, т. 15, с. 42].

Эта ночь, проведённая у Святого Гроба, навсегда осталась в памяти Гоголя. Между тем из его писем можно вывести заключение (как нередко и делают биографы), что паломничество не дало тех плодов, на которые он рассчитывал. «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, — писал Гоголь 21 апреля 1848 г. протоиерею Матфею Константиновскому из Одессы. — Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат» [2, т. 15, с. 47].

Однако эти смиренные слова приобретают несколько иной смысл, если мы задумаемся в то, что предшествует им и что следует после них. «Часто я думаю: за что Бог так милует меня и так много дает мне вдруг, — говорит Гоголь в начале письма, — и могу только объяснить себе это тем, что мое положение действительно всех опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому. <...> Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце».

И далее, сказав, что никогда ещё он не был так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, Гоголь прибавляет: «Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искушение! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово *любовь*. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде. Но Бог знает, может быть, и это так только кажется; может быть, и здесь играет роль искушение...» [2, т. 15, с. 47–48].

«Одна минута», о которой Гоголь писал отцу Матфею, — это, по всей видимости, ночь, проведённая у алтаря Гроба Господня, когда он приобщался Святых Таин. О той же «минуте» Гоголь говорил Александре Осиповне Смирновой. По её словам, он не отвечал, когда его спрашивали о Святых Местах, а ей рассказал только «одну ночь, проведенную им в церкви» [3, т. 2, с. 242].

Подлинный результат поездки Гоголя в Святую землю — приобретение настоящего духовного смирения и братской любви к людям. В этом смысле следует понимать и его слова из письма к Жуковскому от конца февраля 1850 г.: «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Таин, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное» [2, т. 15, с. 304].

Паломничество Гоголя в Святую землю по-разному было воспринято его родными и знакомыми. Историк В. А. Чаговец, комментируя мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни, замечает: «И в семье, как и в дружеских и близких кругах, результатами поездки Гоголя в Иерусалим все были разочарованы. Об этом мы читаем и в мемуарах» [5, с. 68].

Однако в мемуарах можно прочесть и другое. Так, княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская в своих воспоминаниях следующим образом описывает приезд Гоголя в их имение Яготино в 1848 г.: «Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но *он* был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу, она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством. Потом в Одессе я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: “Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении”» [3, т. 3, с. 101].

Перемену в Гоголе заметили и другие. Например, Ф. В. Чижов (знакомый с Гоголем ещё по службе в Санкт-Петербургском университете) писал 1 июня 1848 г. А. А. Иванову из Киева: «Четвертого дня приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима; он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии» [3, т. 3, с. 63].

Из паломничества ко Гробу Господню Гоголь привёз на родину свидетельство о подлинности реликвий, которыми благословил его наместник Иерусалимского патриаршего престола, митрополит Мелетий³: «1848. Февраля 23 во Граде Иерусалиме ради усердию, которую показывал к живоноснаго Гроба Господня и на прочих Святых Местах духовный сын наш Николай Васильевич, в том и благословляю ему маленькои (sic!) часть камушка от Гроба Господня и часть дерева от двери храма Воскресения, которая сгорела во время пожара в 1808 <г.> се<н>тября 30-го дня. Это частички обе справедливость» (письмо приводится с сохранением орфографии оригинала. — В. В.) [2, т. 15, с. 39].

Как память о путешествии Гоголя к Святым Местам в Васильевке хранились также кипарисовый посох, подаренный им сестре Ольге Васильевне, с которым она не расставалась всю жизнь; сердоликовые крестики, перламутровые иконки-ящички с изображением Благовещения, цветы из Палестины, освященное иерусалимское мыло, которым омывают Гроб Спасителя в ночь перед Пасхой, и другие реликвии.

Г. П. Данилевский, автор популярных исторических романов, лично знавший Гоголя и совершивший в мае 1852 г. поездку на родину писателя, рассказывает в своих воспоминаниях, что местные крестьяне не хотели верить, что Гоголь умер, и среди них родилось сказание о том, что похоронен в гробе кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них. В этом сказании есть глубокая духовная правда: Гоголь действительно переселился в Горний Иерусалим и там из своего чудного, но таинственного и неведомого нам далека, у Престола Господня, молится за всю Русскую землю, чтобы непоколебимо стояла она в Православной вере и чтобы больше было в ней правды и любви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Антонин (Капустин), архимандрит.* Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М.: Индрик, 2010. 512 с.
- 2 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

³ Митрополит Мелетий (1786–1868) на протяжении длительного времени был духовником русских паломников, которые называли его «святый Пётр». Архимандрит Антонин (Капустин), выдающийся учёный-востоковед, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме с 1865 по 1894 г., в некрологе «Преосвященный Мелетий, наместник Иерусалимского Патриарха, митрополит Петры Аравийской» писал: «Он умел привлечь к себе и благородных и простородных высокою, апостольскою кротостью обращения, неизменным спокойствием духа, светлым взглядом на жизнь, совершенно простым, искренним и ласковым словом и отградно действовавшим на приближавшихся к нему постоянным благодушием, переходившим нередко в добрую и любезную шутливость. Большинство слушавших его принимали слова его за слова пророка или святого человека, вдохновляемого Богом. <...> Когда не было в Иерусалиме ни Миссии русской, ни консульства, преосвященный Мелетий, можно сказать, был *все* для русских» [1, с. 371–372].

- 3 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд-е подг. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- 4 *Захарченко С. О.* Чудо у мощей Спиридона Тримифунтского // XI Гоголівські читання: зб. наукових праць Міжнародної наукової практичн. конференції (Полтава, 1–3 квіт. 2013 р.) / Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. Полтава, 2013. С. 136–139.
- 5 Из семейной хроники Гоголей (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни) / ред. и примеч. В. А. Чаговца. Киев: Газ. «Киев. мысль», 1909. 79 с.
- 6 Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899. Ч. 5. 536 с.
- 7 *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

* * *

Voropaev Vladimir Alekseevich,

DSC in Philology,

Professor of the Department of Russian literature history,

FSEI HPE «The Moscow state University named M. V. Lomonosov»,

Leninskie Gory 1, bldg 51, 119991 Moscow, GSP-1, Russian Federation

E-mail: voropaevvl@bk.ru

ON THE PATH TO THE HOLY SEPULCHER. ON THE HISTORY OF GOGOL'S PILGRIMAGE TO THE HOLY LAND

Abstract: Gogol connected his last and the longest foreign journey with the pilgrimage to the Holy Sepulcher, which he regarded as the most significant event in his life. He hoped to find a spiritual basis for his works in the Holy Land. The paper deals with Gogol's route (Napoli – Malta – Corfu, Smyrna – Rhodes – Beirut – Jerusalem) and one of the most mysterious episodes in the author's life related to the island of Corfu and the imperishable relics of Saint Spyridon of Trimythous there. The recollection about the night spent by the Empty Tomb remained in Gogol's mind forever. However, we could conclude from his correspondence (just as the biographers often do) that the pilgrimage did not bear the fruits that he had expected. The undoubted effect of Gogol's journey to the Holy Land is gaining the genuine humility and brotherly love to the people. From his pilgrimage, he brought the authenticity certificate of the holy reliquiae, with which Deputy of the Jerusalem Patriarchal Throne Metropolitan Meletius blessed him (the paper is quoted in the original spelling). Souvenirs of Gogol's journey to the sacred places were kept in Vasilyevka, and among them the cypress staff given by the writer to his sister Olga (she never parted from this item), sard crosses, nacreous icons of the Annunciation, flowers from Palestine, sanctified Jerusalem soap used to wash the Holy Sepulcher in the night of Easter, and other reliquiae.

Keywords: Gogol, Holy Land, island of Corfu, Saint Spyridon of Trimythous, imperishable relics, Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem.

REFERENCES

- 1 Antonin (Kapustin), arhimandrit. *Iz Ierusalima. Stat'i, ocherki, korrespondencii. 1866–1891* [From Jerusalem. Articles, essays, correspondence. 1866–1891]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 512 p.
- 2 Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t. / sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva* [N. V. Gogol. Complete works and letters: in 17 volumes, prep. of texts and comments by I. Vinogradova, V. Voropaeva]. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarii Publ., 2009–2010.
- 3 *Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematičeskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie: v 3 t.* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Complete systematic corpus of documentary evidence. Scientific and critical Edition: 3 vol.], izd-e podg. I. A. Vinogradov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013.
- 4 Zaharchenko S. O. Chudo u moshhej Spiridona Trimifuntskogo [Miracle at the relics of Spiridon of Trimythous]. XI *Gogolivs'ki chitannja: zb. naukovih prac' Mizhnarodnoï naukoivoï praktičn. konferencii (Poltava, 1–3 kvit. 2013 r.)* [XI Gogol readings: collection of scientific works of International research conference (Poltava, 1–3, April 2013)]. Poltav'skij nacional'nij ped. un-t im. V. G. Korolenka. Poltava, 2013, pp. 136–139.
- 5 *Iz semejnoj hroniki Gogolej (Memuary Ol'gi Vasil'evny Gogol'-Golovni)* [From the family Chronicles of the Gogols (memoirs of Olga Vasilievna GogolGolovnya)], red. i primech. V. A. Chagovca. Kiev, Gaz. «Kiev. mysl'» Publ., 1909. 79 p.
- 6 *Kniga bytija moego. Dnevnik i avtobiograficheskie zapiski episkopa Porfirija Uspenskogo* [The book of my life. Diaries and autobiographical notes by Bishop Porphyrius Uspensky]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma Publ., 1899. Vol. 5. 536 p.
- 7 Kulish P. A. *Zapiski o zhizni Nikolaja Vasil'evicha Gogolja, sostavlennye iz vospominanij ego družej i znakomyh i iz ego sobstvennyh pisem* [Notes on the life of Nikolai Gogol, compiled from the memories of his friends and acquaintances, and from his own letters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 704 p.